

Научная статья
УДК 821.161-1
doi: 10.17223/19986645/80/12

«Очерк русской грамматики» В.А. Жуковского

Нина Леонидовна Панина¹

¹ Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия, pa.nina@mail.ru

Аннотация. Написанный В.А. Жуковским на французском языке «Очерк русской грамматики» представляет несомненный интерес для истории преподавания русского языка. Кроме того, он должен рассматриваться как яркий пример присутствия на страницах учебника личности автора и как отражение значимого этапа его творческой биографии. «Очерк...» содержит отсылки к образам поэзии В.А. Жуковского, к жизненным реалиям и кругу идей, соединявших поэта с царским двором, и в этом является органической частью комплекса его обучающих пособий, конца 1810-х – начала 1820-х гг. для будущей императрицы Александры Федоровны и тесно связанных с его поэтическими произведениями этого периода.

Ключевые слова: В.А. Жуковский, образы поэзии, царская педагогика, русская грамматика, учебник

Источник финансирования: Работа выполнена при поддержке РФФИ, грант 20-012-00529

Для цитирования: Панина Н.Л. «Очерк русской грамматики» В.А. Жуковского // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2022. № 80. С. 254–268. doi: 10.17223/19986645/80/12

Original article
doi: 10.17223/19986645/80/12

An Essay on Russian Grammar by Vasily Zhukovsky

Nina L. Panina¹

¹ Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russian Federation, pa.nina@mail.ru

Abstract. A work on Russian Grammar Vasily Zhukovsky wrote in French – “Esquisse de grammaire russe” (*An Essay on Russian Grammar*) – is of undoubted interest for the history of teaching the Russian language. It should also be considered as a vivid example of the presence of the author’s personality on the pages of the textbook and as a reflection of a significant stage of the poet’s creative biography. The Essay contains references to the images of Zhukovsky’s poetry, to the realities of life and the circle of ideas that connected the poet with the royal court, and in this it is an organic part of the complex of teaching aids the poet developed in the late 1810s – early 1820s for the future Empress Alexandra Feodorovna. Printed in the form of a book with an appendix of ten tables, at first glance, the Essay contains a “dry” set of grammatical rules, but, on closer inspection, it turns out to be saturated with poetic

imagery. The examples used in the Essay are of the greatest interest: at a certain moment, in addition to the utilitarian purpose of illustrating the rule, they acquire a poetic purpose, become carriers of the figurative principle. Examples of Russian phrases and phrases that are clearly visually isolated in the flow of the French-language presentation of the rules on some pages are formed into thematic blocks that have an obvious plot-figurative and emotional coloring. The first thematic block is formed around the central image of the rose, which has an incredible symbolic richness in the context of the biography of Alexandra Feodorovna and the cult of the memory of her mother, Queen Louise of Prussia. The second thematic block is formed around the image of reading; the third combines the images of love and dislike, the king, happiness and unhappiness. The fourth block develops the idea of communication, from neutral to close friendly. The publication has not been dated, and by now the dating of the Essay (1818) is based on the analysis of filigrees showing this date as the lower boundary, on comparing it with handwritten grammatical tables, and on mentions of work on tables in Zhukovsky's correspondence. The themes of the examples correlate with later events in the poet's creative biography and, perhaps, with their more detailed comparison, the dating will turn out to be later. At this stage of the study, the general patterns that can be traced within each block are obvious. In addition to the unity of the main theme, this is the development of a plot, even if it does not have clear outlines, but still a tangible plot. Each block has an obvious and at the same time complex emotional coloring; it is accentuated by repetitions, at first glance due only to the illustrative task of examples, but clearly in need of a special study, taking into account the importance of repetition as a poetic device, which Zhukovsky repeatedly uses in poems of this period. The special role of the first block, which opens the second part of the Essay, is obvious, its compactness and saturation with individual associations that the teacher shares with his student. Each block is dialogical: the interlocutors are present behind the phrases of the examples quite clearly; the teacher and the student are united by the increasing intimacy towards the end of the block. At the moment, the first and second blocks seem to be the most semantically dense, i.e., they are the least blurred by the need to give examples that clearly illustrate the necessary rules, but random from the point of view of the figurative logic of the block. On the other hand, it is quite possible that, with a deeper study, examples that now seem random will find their explanation. In view of the poet's well-known desire for universal connectivity, for finding semantic networks, such an assumption seems justified.

Keywords: Vasily Zhukovsky, images of poetry, tsarist pedagogy, Russian grammar, textbook

Financial Support: The study was supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 20-012-00529.

For citation: Panina, N.L. (2022) *An Essay on Russian Grammar* by Vasily Zhukovsky. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 80. pp. 254–268. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/80/12

Один из значимых периодов творческой биографии В.А. Жуковского связан с преподаванием русского языка прусской принцессе Шарлотте, ставшей великой княгиней, а в будущем императрицей Александрой Федоровной. К этой работе он приступил в 1817 г. и посвятил ей несколько лет своей жизни [1. С. 20]. В числе подготовленных поэтом обучающих материалов были грамматические таблицы русского языка, примеры словообразования, образцы написания прописных и строчных букв, азбука в картинках и другие руко-

писные пособия: общие планы курса, детальные планы уроков, упражнения, списки слов, и много другое. Часть грамматических таблиц были нанесены на картоны большого формата и оформлены по принципам наглядности, которые позже, в начале 1850-х гг., будут развиты В.А. Жуковским в «Первоначальном курсе обучения» [2. С. 95]. Для уроков с великой княгиней планировалось также издание печатных пособий [3], и частично эти планы были осуществлены. Известным примером является публикация альманаха «Для немногих», до сегодняшнего дня остававшегося основным реализованным следствием стремления В.А. Жуковского построить обучение языку на поэтической образности [2]. Помимо этого, своеобразная реализация связи грамматики и поэтики просматривается еще в одном издательском проекте. К числу малотиражных печатных изданий, предназначавшихся для педагогической работы первых лет обучения Александры Федоровны, относится написанный В.А. Жуковским на французском языке очерк русской грамматики «Esquisse de grammaire russe» [4, 5], отпечатанный в виде книги с приложением десяти таблиц, девять из которых переплетены в отдельный том¹. На первый взгляд это предельно сухой свод грамматических правил, но при ближайшем рассмотрении он оказывается насыщен поэтической образностью.

Том, содержащий изложение правил грамматики в двух частях и примеры, насчитывает 67 страниц. Первая часть открывается предварительными замечаниями о звуках, словообразовании, частях речи. Далее перечисляются склоняемые части речи и правила склонения, затем идут сведения о глаголе. Вторая часть посвящена правилам синтаксиса и конструирования предложений.

«Очерк русской грамматики» не содержит описания грамматических явлений. Несмотря на то, что поэт подошел к работе с русской грамматикой со свойственной ему основательностью² и сохранял интерес к ней в течение всей жизни, вряд ли он когда-либо ставил в качестве реальной це-

¹ № 495 по описанию библиотеки В.А. Жуковского в Томске [4. С. 77]. Экземпляр содержит дополнения и исправления, сделанные рукой В.А. Жуковского. Авторство В.А. Жуковского по соответствию содержания издания рукописным материалам и датировка издания 1818 годом по филиграммам бумаги и по письмам поэта принадлежат Д.В. Долгушину [7. С. 94–95]. Имеются в виду ноябрьские письма В.А. Жуковского от 1818 г. с многочисленными упоминаниями о работе над грамматическими таблицами, которая должна вскоре закончиться, освободив время для поэтических занятий [8. С. 203, 206 и др.].

² Работа В.А. Жуковского находит отражение в дневниковой записи 14 ноября 1817 г.: «Русские глаголы надобно различать на два разряда: в одном простые; в них заключается действие, относящееся к лицу или вещи; они изображают или просто действие лица, не относя его ни к какому другому, – средние и общие, – или действие относительно к другому лицу или вещи – действительные, возвратные и взаимные, – или состояние лица, на которое действует постороннее, – страдательные. В другом разряде те же глаголы, но с означением некоторых обстоятельств действия: предложные или учащательные». [9. С. 127] В комментариях приводятся воспоминания П.А. Плетнева: «с удивительным спокойствием и терпением он принялся за обрабатывание грамматики русского языка и особенно за исследование глаголов его, этой загадки, до сих пор вполне не разгаданной» [9. С. 487].

ли создание полной грамматики русского языка. В общей традиции своего времени он рассматривал грамматику не как область для изучения, а как средство для выражения мысли в языке¹. Сохранившиеся рукописные и печатные материалы свидетельствуют о практическом подходе к преподаванию грамматики, для которого в первую очередь требовалась краткая, ясная и по возможности наглядная систематизация правил.

Позже, в «Конспекте по истории русской литературы» 1826–1827 гг., В.А. Жуковский отмечает вклад Ломоносова, который «своей грамматикой начал приводить в порядок формы, лежащие в основе языка». Грамматика Ломоносова, несомненно, была одним из основных источников его размышлений о языке. Шестой том собрания сочинений М.В. Ломоносова из библиотеки Жуковского, содержащий «Российскую грамматику», испещрен пометками [10. С. 59]. В свою очередь, наработки поэта находят свое место среди источников вышедшей в 1827 г. «Пространной грамматики» Н.И. Греча².

¹ Л.Н. Киселева приводит начальную фразу конспекта В.А. Жуковского, озаглавленного «Основание философской грамматики»: «Слова, нами употребляемая, суть образы наших мыслей. Они служат для того, чтобы предметы, представшие нашей душе, и наши об них суждения передавать другим» [3]. В заметках, относящихся к 1800–1810 гг., поэт пишет: «Составить грамматику по образцу Кондильяка» [10. С. 59]. Фраза, открывающая конспект Жуковского, следует аналогии, проведенной Кондильяком между категориями философии и языка: суждение – мысль, строение предложения – высказанное суждение. Труды Кондильяка в библиотеке Жуковского, в т.ч. «Очерк происхождения человеческих знаний» и «Трактат об ощущениях», содержат пометки 1820-х гг. [10. С. 347]. Внимание к идеям Кондильяка заслуживает отдельного рассмотрения как в контексте отношения подходов Жуковского к принципам универсальной грамматики, так и в целом для истории Жуковского-преподавателя языка. В качестве возможных параллелей можно указать на представления Кондильяка о языковой доминанте, связанной с синтаксисом и формирующейся в зависимости от характера народа, в результате чего одни языки способствуют развитию воображения, другие – анализу, и рассмотрение мысли, выраженной в слове, с точки зрения ее образования и восприятия [11].

² В предисловии Ф.И. Булгарина цитируется изъятие благодарности Греча Жуковскому, «отдавшему в мое распоряжение составленные им в рукописи отдельные правила Грамматики Русской». Экземпляр «Пространной грамматики» 1827 г. из библиотеки Жуковского содержит многочисленные пометы, в особенности в разделах, посвященных глаголу и глагольным формам [10. С. 36]. По ним может быть реконструирован своеобразный диалог между двумя авторами. Но принципиальным отличием является уход Жуковского от теории, которая, хотя и фигурирует в планах, остается за рамками пособий. В конспекте, цитированном в предыдущей сноске по статье Л.Н. Киселевой, есть также краткое изложение системы преподавания, которая складывается из следующих частей: «1. Выговор. 2. Разговор. 3. Правописание. 4. Грамматика. 5. Слог. / Литература». Согласно следующим далее пояснениям, грамматические замечания возникают в ходе чтения, разговора и правописания, само же по себе обучение грамматике сочетает «Синтетическую методику с Аналитической», и предполагает «предложить с начала правила; повторить предложенное вопросами и применить к примерам. *Грамматические примеры:* а) *предварительное ученье при чтении.* Произведение слов. Замечание существит.[ельных] и прилагател.[ьных] Существительныя с существ.[ительными], и с прилагателън.[ьими] и с глаголами. – Составление иных речений. – Классификация слов. б) *ученье наизусть.* Склонение, спряжение. Числ.[ительные] местоимения. – *Ежедневное склонение и спряжение.* в) предложение пра-

Выяснение места «Очерка русской грамматики» в ряду языковых учебных пособий его времени, его значение в эволюции филологических и педагогических взглядов В.А. Жуковского, степень новаторства предпринятой в «Очерке» систематизации грамматических явлений, очевидно, должны стать предметом специального изучения. Но можно также предположить, что «Очерк» покажется интересным в совершенно ином контексте – как еще одно свидетельство поворотного этапа в биографии поэта и как отражение его личной истории идей, чувств и воображения.

Поскольку В.А. Жуковский не дает описаний грамматических явлений, в «Очерке» нет следов присутствия автора на уровне изложения правил (т.е. во французском тексте): интонационно окрашенных обращений от первого лица, модальных маркеров, синтаксических выразительных средств, и т.д. Но все эти и иные способы навсегда закрепить на страницах учебника не только свое присутствие, но и присутствие свой ученицы мы найдем в русскоязычных примерах: в определенный момент они помимо утилитарного назначения иллюстрации правила приобретают назначение поэтическое, становятся носителями образного начала. Это качественное изменение бросается в глаза уже в начале второй части «Очерка», где речь идет о конструкции предложений. Примеры русских фраз и словосочетаний, четко визуально обособленные в потоке франкоязычного изложения правил, на некоторых страницах складываются в тематические ряды, имеющие очевидную сюжетно-образную и эмоциональную окраску. Как представляется, содержимое этих рядов, как на уровне отдельных образов, так и на уровне последовательности, может оказаться интересным, если рассматривать их в контексте соответствующего периода биографии В.А. Жуковского, т.е. времени его вхождения в круг российского царского двора.

В возможности проведения таких связей убеждает первый тематический ряд, который складывается вокруг центрального образа розы [4. С. 39–43]. По мере продвижения от примера к примеру этот образ обрастает другими, получает развитие и завершение. Для того чтобы дать представление о соотношении текста франкоязычных правил и русских примеров, приведем содержание этих страниц «Очерка» целиком, с сохранением выделения курсивом и полужирным шрифтом¹. Они открывают вторую его

вил с философическою грамматикою d) *Анализ*». «Слог», прежде чем он начнет отрабатываться в переводах и сочинениях, тренируется во время грамматического учения образованием предложений, инверсиями и переводом стихов в прозу. Как отмечает Л.Н. Киселева, «грамматика рассматривается здесь не как самоцель, а как путь к формированию «слога» – способности творческого использования языка на разных уровнях, причем как в устной, так и в письменной форме» [3].

¹ Мы не отражаем здесь содержание авторских помет и исправлений, так как они не затрагивают предмет данной статьи – собственно русскоязычные примеры. Выделение примеров в отдельный ряд основано на общности тематики, которая прослеживается в следующих друг за другом примерах; начало и конец каждой из приведенных в статье последовательностей примеров совпадают с границами иллюстрируемых ими разделов или подразделов.

часть и посвящены предварительным замечаниям о предложении, частях предложения и их отношениях.

1. Proposition.

Jugement:

Роза цвѣтетъ. Роза душиста. Роза сорвана.

1. La chose, à laquelle nous pensons dans le moment – sujet :

Роза.

2. La particularité, que nous appercevons comme liée à cette chose – attribut :

Цвѣтетъ.

3. Cette liaison entre la particularité et la chose – verbe :

Есть. Цвѣтетъ – есть цвѣтущая.

Proposition: assemblage de ces trois parties, qui constituent un jugement – sujet, attribut, liaison.

Compellatif: personne, à laquelle nous adressons notre discours, nommée ou sous-entendue.

2. Parties de la proposition.

Verbe :

Substantif:

Быть.

Attribut – mot qui contient en lui et le verbe substantif et l'attribut :

Цвѣтетъ – есть цвѣтущая.

Attribut :

Цвѣтущій.

Verbe substantif:

Быть.

Verbe attributif :

Цвѣсть (быть цвѣтущим).

Sujet :

Simple – une seule chose :

Роза цвѣтетъ.

Composé – deux ou plusieurs choses :

Роза и лилея цвѣтутъ.

Autant de propositions que de choses :

Роза цвѣтетъ. Лилея цвѣтетъ.

Incomplexe – chose déterminée par une seule idée :

Роза цвѣтетъ.

Complexe – chose déterminée par deux ou plusieurs idées :

Роза, защищаемая отъ зноя и холода, цвѣтетъ.

Logique – le mot qui exprime la chose, quand le sujet est incomplexe, ou les mots qui expriment la chose et toutes les idées qui la déterminent quand le sujet est complexe.

Grammatical – le seul mot qui exprime la chose.

Mots qui forment le sujet.

Le substantif nominatif :

Роза цвѣтетъ.

L'adjectif nominatif, pris comme substantif :

Порочный несчастливъ.

Le nombre, en sousentendant le substantif :

Сто легло на мѣстѣ.

Le pronom:

Этотъ ходить, тотъ сидить.

L'infinitif d'un verbe, tenant lieu de substantif :

Плакать есть слабость.

Mots qui déterminent le sujet :

L'adjectif complet :

Душистая роза.

Le participe complet :

Сорванная роза.

Le pronom :

Эта роза.

Le nombre:

Одна роза.

Apposition – plusieurs mots qui expriment la même chose, pour la déterminer, sans y rien ajouter :

Роза, цветокъ прекрасный, красота сада.

Attribut.

Simple – une seule particularité :

Роза цвететъ.

Composé – deux ou plusieurs particularités :

Роза цвететъ и благоухаетъ.

Autant de propositions que de particularités :

Роза цвѣтеть. Роза благоухаетъ.

Incomplexe – particularité déterminée par une seule idée :

Роза цвѣтеть.

Complexe – particularité déterminée par deux ou plusieurs idées :

Роза цвѣтеть пышно въ фіалки.

Logique – le mot qui exprime la particularité, quand l'attribut est incomplexe, ou les mots, qui expriment la particularité et toutes les idées qui la déterminent, quand le sujet est complexe.

Grammatical – le seul mot qui exprime la particularité.

Mots qui forment l'attribut.

Le verbe attributif :

Роза цвѣтеть.

L'adjectif abrégé :

Роза душиста.

Le participe abrégé :

Роза сорвана.

Le substantif, en exprimant ou sousentendant le verbe *être* :

Роза есть цветокъ.

L'infinitif d'un verbe en exprimant ou sousentendant le verbe *être* :

Ваша должность есть сражаться.

Mots qui déterminent l'attribut :

L'adverbe qu'on peut appeler l'adjectif du verbe :

Роза цвѣтеть пышно.

3. Rapports des mots, qui forment la proposition.

I. Genres des mots :

Absolu – un seul mot, pour peindre l'idée d'une chose ou d'une action.

Sujet absolu :

Роза.

Attribut absolu:

Цвѣтеть.

Relatif – mot suivi d'un ou de plusieurs qui sont en rapport avec lui et le modifient.

Sujet relatif :

Роза безъ шиповъ.

Attribut relatif :

Цвѣтетъ только въ сказкахъ.

II. Différentes manières d'indiquer les rapports des mots.

Par la place qu'ils occupent :

Накрой столъ.

Par la variation des terminaisons :

Сорви розу.

Par des prepositions :

Роза безъ шиповъ цвѣтетъ только въ сказкахъ.

III. Termes d'un rapport.

Antecedent – le mot relatif :

Роза. Цвѣтетъ.

Consequent – le mot qui est en rapport avec le mot relatif :

Шиповъ. Сказкахъ.

Exposent – preposition, qui marque la nature du rapport :

Безъ. Въ.

Роза безъ шиповъ цвѣтетъ только въ сказкахъ.

Le consequent d'un rapport peut devenir l'antecedent d'un autre.

Онъ награжденъ за храбрость въ сраженіи.

Complement – autre nom du terme consequent :

Complement de l'antecedant :

Цвѣтъ жизни.

Complement de l'exposent :

Роза безъ шиповъ.

Simple – un seul mot en rapport avec le mot relatif :

Жить безъ заботы.

Compose : deux ou plusieurs mots en rapport avec le mot relatif :

Жить безъ заботы, въ уединеніи, на свободѣ.

Mots, qui forment le complement – tous ceux qui forment le sujet d'une proposition.

Mots, qui determinent le complement – tous ceux qui determinent le sujet d'une proposition.

Длинная цепь первого ряда примеров, в которой повторы складываются в своеобразный молитвенный или заклинательный ритм, расположена в книге на самом видном месте – в центре, в самом начале второй части. Возникающие в этом ряду образы благоухающей розы, цветущей среди других цветов в саду, защищенной от зноя и холода, образы стойкости и добродетели, накрытого стола, сорванной розы, беззаботной жизни в уединении, находят очевидное объяснение в образе «розы без шипов, цветущей только в сказках», и идиллии, в которой можно «жить без заботы, в уединении, на свободе». Роза без шипов, найти которую под силу лишь стойкой добродетели – центральный символ идиллической «Сказки о царевиче Хлоре» Екатерины II, получивший развитие в оде Державина «Фелица» [12. С. 93 и др.; 13. С. 391 и др.], а затем в стихотворении самого В.А. Жуковского «О дивной розе без шипов...», написанном 14 сентября 1819 г. и посвященном императрице Марии Федоровне [14. С. 174, 595]. Комментарий Н.Ж. Вѣтшевой и А.С. Янушкевича к этому стихотворению выявляет общекультурный пласт символических значений центрального образа, таких, как

состояние мира до грехопадения, чистота Девы Марии, и собственную символическую концепцию поэта, которая строится на павловских ассоциациях: Розовый павильон Марии Федоровны в Павловске, ее роль покровительницы искусств. Связующим звеном со «Сказкой о царевице Хлоре» становится расположенная под Павловском Александрова дача, задуманная Екатериной II как пространственная реализации нравоучительных событий сказки: дорога вела к холму, на вершине которого стоял Храм Розы без шипов [14. С. 595].

Исследования последнего времени открывают еще один, не столь очевидный пласт значений, самым тесным образом связанный с биографическим контекстом адресата «Очерка» – великой княгини. В перспективе житийного мифа прусской королевы Луизы упоминания о розе, цветении, добродетели, рыцарстве, героизме, жертве приобретают характер деликатного и иносказательного, но все-таки достаточно прямого обращения к самым сокровенным струнам души ее дочери.

В 1817–1821 гг. Жуковский прибегает к царившему при прусском дворе культу памяти королевы Луизы, изучает ее биографию, знакомится с мемориальными местами и семейными реликвиями, ведет в дневнике с Александрой Федоровной совместные записи, посвященные воспоминаниям великой княгини о матери, воспекает ее незримое присутствие среди живых в стихотворении «Цвет завета» [15. С. 110 и др.] Возможно, как перспективную для анализа примеров «Очерка» параллель стоит рассматривать характерное для «Цвета завета» и для связанного с ним тематически и также написанного летом 1819 г. отрывка «Невыразимое» использование цепочек перечислений, по мнению Д.В. Долгушина, «указывающих на скрытую за перечисляемыми объектами сакральную первореальность» [15. С. 111]. Ритмически-молитвенное звучание примеров заставляет также вспомнить об очень сильном впечатлении, произведенном на В.А. Жуковского романтической набожностью великой княгини, использовавшей письма матери как молитвенник [16. С. 104; 17. С. 141].

В семейных традициях прусского двора цветочной символике, в особенности символике розы, придавалось огромное значение. Розы – любимые цветы Фридриха-Вильгельма III, символ его преданности жене и детям; белая роза – любимый цветок и «символ жизни» [16. С. 18] Александры Федоровны; венок из белых роз она плетет и возлагает на могилу своей матери. Невозможно, да и нет смысла перечислять здесь все ассоциации, которые упоминание о розе могло вызвать у августейшей ученицы В.А. Жуковского¹.

Среди примеров «Очерка» наряду с образом розы появляется и образ лилии – в западной христианской традиции символа чистоты, непорочности, Благовещения. В этом значении он также соотносится с культом памяти королевы Луизы, как воплощенного идеала женственности и в то же

¹ Роль образа розы в почитании памяти королевы Луизы и прославлении Александры Федоровны стала предметом пристального интереса биографов императрицы Александры Федоровны уже в XIX в. [18].

время детской чистоты помыслов, материнства и самоотречения, заботы о подданных, приведшей ее на стезю мученичества. В своих добродетелях королева уподоблялась Богоматери. Но, скорее всего, образ лилии, также как образ розы, призван был вызвать у ее дочери какие-то совершенно конкретные ассоциации. Так, в работе И. Виноцкого упоминается рукопись предсмертного сочинения королевы Луизы «Небесные воспоминания», украшенная ее рукой акварельными цветочными орнаментами, в основном лилиями [17. С. 145].

Второй тематический ряд¹ [4. С. 44–46] иллюстрирует подраздел «Отношения предложений» и складывается вокруг образа чтения, который получает развитие от нейтрального, наставительного, критического до в высшей степени интимного («Вы, запершись в своей горнице, читаете книгу, которую я к вам прислал»):

Читали ли вы эту книгу?

Стали ли бы вы читать эту книгу?

Есть ли вы читали эту книгу...

Есть ли бы вы читали эту книгу...

Вы читали эту книгу. Вы не читали этой книги. Какъ долго вы читаете эту книгу!

Вы бы читали эту книгу.

Читайте эту книгу!

Вамъ бы читать эту книгу.

Пусть вы читаете эту книгу.

Пусть бы вы читали эту книгу.

Вы читаете эту книгу.

Вы читаете эту книгу, чтобы сдѣлать извлеченіе изъ нее.

Вы, будучи прилѣжны, читаете эту книгу, чтобы, для сохраненія въ памяти читанного, сдѣлать изъ нее извлеченіе.

Вы читаете эту книгу; но чтеніе приносить вамъ мало пользы.

Вы читаете эту книгу, чтобы etc.

Вы читаете эту книгу, вы ее перечитываете, чтобы etc.

Вы читаете эту книгу, чтобы etc.

Вы, будучи прилѣжны, читаете эту книгу, etc.

Чтобы сдѣлать изъ нее извлеченіе.

Чтобы сдѣлать изъ нее извлеченіе и воспользоваться мыслями, изъ нее заимствованными.

Чтобы сдѣлать изъ нее извлеченіе.

Чтобы, для сохраненія въ памяти читанного, сдѣлать изъ нее извлеченіе.

Есть ли вы будете читать, то сдѣлайте...

Вы, запершись въ своей горницѣ, читаете книгу, которую я къ вамъ прислалъ, чтобы etc.

Вы, какъ я думаю, читаете эту книгу.

Вы, я знаю, читаете...

Вы, при всей охотѣ къ разсѣянности, любите читать.

¹ Примеры этого ряда и последующих приводятся полностью, иллюстрируемые ими франкоязычные правила опущены.

Образы чтения, уединенного или совместного, образы подаренной книги и «белой книги», предназначенной для выписок, разумеется, более чем характерны для своего времени, как и утверждаемая ими романтическая интимность отношения учителя и ученицы. Конкретизацией увлечения поэта царственной музой-ученицей, связанной узами идеализируемого брака с наследником престола, выглядит третий тематический ряд [4. С. 54–56], который открывает раздел «Глаголы» и объединяет образы любви и нелюби, царя, счастья и несчастья, силы и слабости:

Тебѣ быть счастливымъ.
Этой книгѣ быть моею.
Первому быть послѣднимъ.
Быть *дѣлу*. Быть *бѣдѣ*.
Быть счастливымъ *человѣкомъ*.
Быть первымъ между людьми.
Быть любиму.
Быть любимымъ.
Я (есть) несчастный *человѣкъ*.
Ты главная причина моего несчастья.
Они (суть) *вѣрные союзники*.
Есть высокая гора; есть высокія горы.
У меня есть книга.
У него есть деньги.
Я бываю любимъ, любимымъ.
Я бываю иногда самый несчастный *человѣкъ*, самымъ несчастливымъ *человѣкомъ*.
Былъ, бывалъ любимъ, любимымъ.
Я буду несчастный *человѣкъ*, несчастнымъ *человѣкомъ*.
Бывшій любимымъ, добрымъ, первымъ, моимъ.
Бывшій Императоромъ.
Бывши *любимъ*, любимымъ.
Бывши *счастливъ*, счастливымъ.
Будучи Царь, будучи Царемъ.
Будучи первый, будучи первымъ.
Не быть *дѣлу*.
Не быть *бѣдѣ*.
Не быть любимъ, любимымъ.
Не будучи Царь, Царемъ etc.
Нѣтъ денегъ.
Не было денегъ.
Не будетъ денегъ.
Стать первымъ *человѣкомъ*. *Стать* любить.
Ставши несчастнымъ. *Ставши* любить.
Стать первый *человѣкъ*, первымъ *человѣкомъ*. *Стать* любить.
Стану несчастливъ, несчастнымъ. *Стану* любить.
Стать Царь, Царемъ. *Стать* любить.
Ставши Царь, Царемъ. *Ставши* любить.
Я становлюсь *слабъ*, *слабымъ* *человѣкомъ*.
Я становился *слабъ*, *слабымъ* *человѣкомъ*.

Четвертый тематический ряд [4. С. 62–64] открывает раздел «Зависимость предложений» и развивает идею общения, от нейтрального до тесного дружеского: написание портрета, обсуждение книги, обмен планами, переписка, просьба о помощи.

Чей портретъ вы пишете?
Кто былъ у васъ?
Какъ васъ зовутъ?
Гдѣ мы будемъ завтра?
Знаете ли вы его? не знаете ли вы его?
Эту ли книгу вы читаете? не эту ли книгу вы читаете?
Давно ли вы его видѣли?
Чей бы портретъ вамъ написать?
Как] бы назвать васъ?
Гдѣ бы намъ быть завтра?
Я обѣдаю завтра дома.
Я не обѣдаю завтра дома.
Какъ вы поздно обѣдаете!
Я бы отобѣдалъ (хотѣлъ отобѣдать) завтра дома.
Я бы не обѣдалъ (не хотѣлъ обѣдать) завтра дома.
Напишите мой портретъ.
Обѣдайте завтра дома.
Вам бы (должно) написать мой портретъ.
Вам бы (должно) завтра обѣдать дома.
Да будетъ ваша воля!
Пускай онъ напишетъ вашъ портретъ!
Чей бы портретъ написали вы (если бы это вамъ дать на выборъ).
Захотѣли ли бы вы занять эту должность (когда бы вамъ ее предложили).
Я бы обѣдалъ завтра дома (если бы не былъ званъ въ гости).
Пускай бы онъ говорилъ (только бы не во вредъ ближнему).
Ежели вы обѣдаете завтра дома (то я бы пришелъ к вамъ).
Ежели бы вы обѣдали завтра дома (то я бы пришелъ к вамъ).
Та книга прекрасная – которую вы мнѣ дали.
Я иду туда – куда идешь и ты.
Ежели вы обѣдаете дома – то я буду къ вамъ.
Ежели бы вы обѣдали дома – то я былъ бы у васъ.
Человѣкъ, скромный въ желаніяхъ, можетъ легко быть счастливъ.
Человѣкъ, который скромнѣе въ желаніяхъ...
Человѣкъ, имѣющій скромныя желанія...
Человѣкъ, имѣя скромныя желанія...
Я буду писать къ вамъ, ежели вы позволите.
Я вчера, сказать правду, полѣнился придти къ вамъ.
Вы были, я слышалъ, въ театрѣ.
Куда, скажите мнѣ, поѣдите вы отсюда.
Я, слава Богу! здоровъ.
Я рѣшился, въ надеждѣ на вашу дружбу, требовать вашей помощи.
Вы были у меня, а меня не было дома.
Или я погибну, или онъ погибнетъ.
Мягко стелеть, да жестко спать.
Онъ имѣетъ слогъ сильный, но не знаетъ правилъ языка.

Как отмечалось выше, в настоящее время датировка «Очерка» строится на анализе филигранных, показывающих 1818 г. в качестве нижней границы, на сопоставлении его с рукописными грамматическими таблицами и на упоминаниях о работе над таблицами в переписке В.А. Жуковского того же года. Темы примеров коррелируют с более поздними событиями творческой биографии поэта и, возможно, при их более детальном сопоставлении датировка будет скорректирована.

На данном этапе исследования очевидны общие закономерности, которые прослеживаются в рамках каждого ряда. Помимо единства основной тематики, это развитие пусть и не имеющего четких очертаний, но все же ощущаемого сюжета. Каждый ряд имеет очевидную и одновременно сложную эмоциональную окраску; она акцентируется повторами, на первый взгляд обусловленными только иллюстративной задачей примеров, но явно нуждающимися в специальном изучении с учетом важности повтора как поэтического приема, которым Жуковский неоднократно пользуется в стихотворениях этого периода.

Очевидна особая роль первого ряда, открывающего вторую часть «Очерка», его компактность и насыщенность индивидуальными ассоциациями, которые учитель разделяет со своей ученицей. Каждый ряд диалогичен: собеседники присутствуют за фразами примеров вполне явно; учителя и ученицу объединяет возрастающая к концу ряда интимность. На данный момент первый и второй ряды представляются наиболее семантически плотными, т.е. наименее размытыми необходимостью давать примеры, наглядно иллюстрирующие нужные правила, но с точки зрения образной логики ряда случайные. С другой стороны, вполне возможно, что при более глубоком изучении те примеры, которые сейчас кажутся случайными, найдут свое объяснение. Ввиду известного стремления поэта ко всеобщей связности, к выстраиванию семантических сетей, такое предположение представляется обоснованным.

Список источников

1. Ребеккини Д. Перевод как инструмент образования в педагогической деятельности В.А. Жуковского (о сборнике «Муравейник» 1831 года) // Русская литература. 2016. № 3. С. 20–28.
2. Долгушин Д.В. «Педагогическая поэма» В.А. Жуковского (по неизданным материалам) // Сибирский филологический журнал. 2018. № 1. С. 89–106.
3. Киселева Л.Н. Жуковский – преподаватель русского языка (Начало «царской педагогики»). URL: <http://sites.utoronto.ca/tsq/15/zhukovsky15.shtml> (дата обращения: 15.08.2022).
4. *Esquisse de Grammaire Russe*. S.p., s.a. 67 с., 5 табл.
5. [Грамматические таблицы русского языка]. 9 таблиц. Б.м., б.г.
6. Библиотека В.А. Жуковского: Описание / сост. В.В. Лобанов. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1981. 414 с.
7. Долгушин Д.В. Исторические таблицы В.А. Жуковского // Вестник РФФИ. Гуманитарные и общественные науки. 2022. № 1. С. 89–103.
8. *Переписка* В.А. Жуковского и А.П. Елагиной: 1813–1852 / сост., подгот. текста, ст. и коммент. Э.М. Жиликовой. М. : Знак, 2009. 728 с.

9. Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем : в 20 т. Т. 13: Дневники. Письма-дневники. Записные книжки. 1804–1833 гг. / сост. и ред. О.Б. Лебедева и А.С. Янушкевич. М. : Языки славянской культуры, 2004. 608 с.
10. Библиотека В.А. Жуковского в Томске : в 3 ч. / ред. Ф.З. Канунова (отв. ред.), Н.Б. Реморова, А.С. Янушкевич и др. Ч. 1. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1978. 527 с.
11. Пастернак Е.Л. Формирование основных направлений французской лингвистической мысли XVIII века : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2010. 50 с.
12. Кравченко О.А. «Сказка о царевиче Хлоре»: пути развития ее образно-аллегорического строя в оде Г.Р. Державина «Фелица» // Имагология и компаративистика. 2015. № 1. С. 91–104.
13. Усачева С.В. «Дева-роза» в портретах В.Л. Боровиковского. Живописный образ и литературный контекст // Вестник истории, литературы, искусства. М. : Собрание, 2016. Т. 11. С. 389–396.
14. Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем : в 20 т. Т. 2: Стихотворения 1815–1852 гг. / ред. О.Б. Лебедева и А.С. Янушкевич. М. : Языки славянской культуры, 2000. 840 с.
15. Долгушин Д.В. Миф о королеве Луизе в творчестве В.А. Жуковского // Сюжетология и сюжетография. 2014. № 2. С. 108–114.
16. Лямина Е.Э., Самовер Н.В. Жуковский и великая княгиня Александра Федоровна: К вопросу о конструировании образа // Пермский сборник. М., 2010. Ч. 2. С. 144–158.
17. Виноцкий И. «Луизиада» В.А. Жуковского: из истории молитвенника // Летняя школа по русской литературе. 2018. Т. 14. № 2–3. С. 139–167.
18. Императрица Александра Федоровна. Биографический очерк / сост. С.П. Яковлев. М., 1867. 212 с.

References

1. Rebecchini, D. (2016) *Perevod kak instrument obrazovaniya v pedagogicheskoy deyatel'nosti V.A. Zhukovskogo (o sbornike "Muraveynik" 1831 goda)* [Translation as an educational tool in pedagogical activity V.A. Zhukovsky (about the collection "Anthill" of 1831)]. *Russkaya literatura*. 3. pp. 20–28.
2. Dolgushin, D.V. (2018) The "Pedagogical poem" of V. Zhukovsky (on unpublished materials). *Sibirskiy filologicheskii zhurnal – Siberian Journal of Philology*. 1. pp. 89–106. (In Russian). DOI: 10.17223/181370(83/62/7
3. Kiseleva, L.N. (2004) Zhukovskiy – prepodavatel' russkogo yazyka (Nachalo "tsarskoy pedagogiki") [Zhukovsky – a teacher of the Russian language (The beginning of "royal pedagogy")]. *Toronto Slavic Quarterly*. [Online] Available from: <http://sites.utoronto.ca/tsq/15/zhukovsky15.shtml>. (Accessed: 15.08.2022).
4. Zhukovskiy, V.A. (n.d.) *Esquisse de Grammaire Russe*. [S.l.]: [s.n.].
5. Zhukovskiy, V.A. (n.d.) *Grammaticheskie tablitsy russkogo yazyka* [Grammar Tables of the Russian Language]. [S.l.]: [s.n.].
6. Lobanov, V.V. (1981) *Biblioteka V.A. Zhukovskogo: Opisanie* [Library of V.A. Zhukovsky: Description]. Tomsk: Tomsk State University.
7. Dolgushin, D.V. (2022) Istoricheskie tablitsy V.A. Zhukovskogo [Historical tables V.A. Zhukovsky]. *Vestnik RFFI. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*. 1. pp. 89–103.
8. Zhilyakova, E.M. (ed.) (2009) *Perepiska V.A. Zhukovskogo i A.P. Elaginoy: 1813–1852* [Correspondence of V.A. Zhukovsky and A.P. Elagina: 1813–1852]. Moscow: Znak.
9. Zhukovskiy, V.A. (2004) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem* [Complete Works and Letters]. Vol. 13. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
10. Kanunova, F.Z. et al (eds) (1978) *Biblioteka V.A. Zhukovskogo v Tomske* [V.A. Zhukovsky's Library in Tomsk]. Vol. 1. Tomsk: Tomsk State University.

11. Pasternak, E.L. (2010) *Formirovanie osnovnykh napravleniy frantsuzskoy lingvisticheskoy mysli XVIII veka* [Formation of the main directions of French linguistic thought of the 18th century]. Abstract of Philology Dr. Diss. Moscow.
12. Kravchenko, O.A. (2015) The story of Tsarevich Chlор: on development of the figurative and allegorical system in Dderzhavin's ode to Felice. *Imagologiya i komparativistika – Imagology and Comparative Studies*. 1 (3). pp. 91–104. (In Russian). DOI: 10.17223/24099554/3/6
13. Usacheva, S.V. (2016) “Deva-roza” v portretakh V.L. Borovikovskogo. Zhivopisnyy obraz i literaturnyy kontekst [“Virgin Rose” in the portraits of V.L. Borovikovsky. Picturesque image and literary context]. *Vestnik istorii, literatury, iskusstva*. 11. pp. 389–396.
14. Zhukovskiy, V.A. (2000) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem* [Complete Works and Letters]. Vol. 2. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
15. Dolgushin, D.V. (2014) Mif o koroleve Luize v tvorchestve V.A. Zhukovskogo [The myth of Queen Louise in the work of V.A. Zhukovsky]. *Syuzhetologiya i syuzhetografiya*. 2. pp. 108–114.
16. Lyamina, E.E. & Samover, N.V. (2010) Zhukovskiy i velikaya knyaginya Aleksandra Fedorovna: K voprosu o konstruirovaniy obraza [Zhukovsky and Grand Duchess Alexandra Fedorovna: On the question of the construction of the image]. In: Mazur, N.N. (ed.) *Permyakovskiy sbornik* [Permyakov Collection]. Vol. 2. Moscow: Novoe izdatel'stvo. pp. 144–158.
17. Vinitskiy, I. (2018) “Luiziada” V.A. Zhukovskogo: iz istorii molitvennika [“Louiada” V.A. Zhukovsky: from the history of the prayer book]. *Letnyaya shkola po russkoy literature*. 2–3 (14). pp. 139–167.
18. Yakovlev, S.P. (ed.) (1867) *Imperatritsa Aleksandra Fedorovna. Biograficheskiy ocherk* [Empress Alexandra Feodorovna. Biographical sketch]. Moscow: Katkov i Ko.

Информация об авторе:

Панина Н.Л. – д-р искусствоведения, доцент кафедры истории, культуры и искусств Гуманитарного института Новосибирского государственного университета (Новосибирск, Россия). E-mail: pa.nina@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

N.L. Panina, Dr. Sci. (Art History), associate professor, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: pa.nina@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 13.09.2022;
одобрена после рецензирования 19.09.2022; принята к публикации 16.11.2022.

The article was submitted 13.09.2022;
approved after reviewing 19.09.2022; accepted for publication 16.11.2022.